

М.А. Широкова, В.В. Корнев

Пред-рассудки русского исторического сознания

Одна из очевидных тенденций современного образования – стремление к точности, нейтральности, профессиональности в подаче «полезной» информации, освобожденной от какой-либо идеологической или политической ангажированности. Отсюда известный миф о профессионалах на своем месте, вытесняющих там и здесь когорту некомпетентных ученых или управленцев, частенько становится самым удобным оправданием для перераспределения властных полномочий и научных кормушек. Авансценой действия этого мифа являются чаще всего философия, история, социология, политология и другие «подозрительные» науки, не имеющие в своем распоряжении алиби той предметной объективности, которой комфортно пользуются математики или физики – представители «нейтральных», не зависящих от политических циклонов профессий.

Что ж, даже если забыть о мнимой объективности этих «чистых» наук (представление, изрядно подорванное трудами Т. Куна, К. Поппера, П. Фейерабенда, И. Лакатоса и других критиков официальной научной историографии), можно поставить под сомнение саму возможность профессионализации «неправильных» гуманитарных занятий историей или, скажем, политологией. В воображаемом идеале «объективная история» занималась бы, наверное, сухой и четкой подачей фактов, без малейшей примеси субъективизма, тогда как политическая наука не позволяла бы никогда уличить себя в пристрастии к любой определенной партии или политической установке. Всем ясно, что на практике студенты исторического или политического факультета АлтГУ при изучении всякого нового предмета сталкиваются с очередной попыткой преподавателя обратить их в собственную веру и наблюдают не то полемику, не то просто свару конкурирующих субъективных позиций. С начала и до конца обучения студент-историк будет наблюдать парадоксальную пертурбацию мало связанных политических платформ и идеологических стереотипов. Однако как реализовать тогда противоположную такой методолого-аксиологической анархии установку на строгую и нейтральную научную деятельность? А главное: кому в принципе понадобилась бы полная историческая или философская объективность?

Наша версия отношения к этой проблеме описывается на опыт европейской философской фе-

номенологии и герменевтики, представленный в наиболее эксплицитном виде в трудах М. Хайдеггера и Х.-Г. Гадамера. Помимо прочего, эти персоналии сближает и методологическая проблема «герменевтического круга» (в самом простом варианте его формула такова: мы понимаем неизвестное через известное, части через целое, чужое через свое, поэтому способ постановки вопроса так или иначе обуславливает ответ), проблема, поставленная еще Ф. Шлейермахером, но именно у М. Хайдеггера получившая самое остроумное и эвристичное решение. Новая, хайдеггерианская постановка вопроса о бытии сводилась, как известно, к нарочитой логической тавтологии: «Как искание спрашивать нуждается в опережающем водительстве от искомого. Смысл бытия должен быть нам поэтому уже известным образом доступен. Было отмечено: мы движемся всегда уже в некой бытийной понятливости. Изнутри нас вырастает специальный вопрос о смысле бытия и тенденция к его осмыслению» [1, с. 20–21].

Расшифровывая эту хайдеггеровскую идею априорной «усредненной понятливости», Х.-Г. Гадамер формулирует в «Истине и методе» свое революционное учение о «предрассудке» как необходимом преддверии рассудка, условии, возможности всякого разумного суждения. Аргументированно отвергая отталкивающуюся от идей Просвещения программу борьбы с историческими суевериями, предрассудками и прочим наследием «темного прошлого», Х.-Г. Гадамер показывает позитивную роль структуры предпонимания. По факту «нейтральное» понимание философского или исторического текста было бы просто «нулем» понимания, ибо игнорировало бы как субъективный смысл его создания (ведь эмпирический автор никогда не может быть посредником, медиатором подачи какой-либо информации, текст пишется не для себя самого, не для бесконечного продления информационной эстафеты), так и объективные законы устройства всякого повествования, проявляемые в аксиологических или языковых стереотипах (такие универсальные основания нарратива, как, например, победа добра над злом в сказке).

По Х.-Г. Гадамеру, ложной является сама попытка выхода за грань «герменевтического круга», результатом такого прорыва было бы уничтожение самого фундамента рассудка – его

априорных механизмов, категорий и интенций. На деле нужно учиться лишь правильно входить в герменевтический круг, который только на суженной аналитической плоскости и выглядит тавтологией: «Круг, таким образом, имеет не формальную природу, он не субъективен и не объективен, — он описывает понимание как взаимодействие двух движений: традиции и истолкования. Антиципация смысла, направляющая наше понимание текста, не является субъективным актом, но определяет себя из общности, связывающей нас с преданием. Эта общность, однако, непрерывно образуется в нашем взаимодействии с преданием. Она не изначально заданная предпосылка — мы сами порожаем ее, поскольку мы, понимая, участвуем в свершении предания и тем самым определяем его дальнейшие пути. Круг понимания, таким образом, вообще не является “методологическим” кругом, он описывает онтологический структурный момент понимания» [2, с. 348].

Обыгрывая проблему такой «усредненной понятливости» в исторической науке, можно вспомнить банальную сентенцию о том, что «история учит только тому, что ничему не учит». Как и всякая обывательская мудрость, эта поговорка близка к истине с точностью до наоборот: на деле история учит только самой себе, и не выучить ее уроки невозможно. Точно так же, как в психоанализе симптом сопротивления пациента, отрицания неприемлемого для него диагноза является лучшим доказательством того, что аналитик попал в точку, так и в сопротивлении историческому опыту обнаруживается со всей очевидностью травматическая зависимость от наследия прошлого. Судорожная попытка выхода за границы герменевтического круга проявляется в исторической ментальности в виде синдрома неприятия фундаментальных идей и традиций. Отнесем сюда выпадение из доброй памяти целых эпох и персоналий, мазохистские мифы о тысячелетнем рабстве, пьянстве, ленности русской нации, эффект психологической гиперкоррекции истории или своеобразного аксиологического астигматизма.

Характерно в этом смысле постоянное сопротивление русского общества своей истории и достигаемое на пределе такого интеллектуального и эмоционального напряжения постоянное переключение ценностных полюсов. Какое-либо значимое историческое событие или лицо оценивается обычно с помощью ярко выраженного «плюса» или «минуса»: постоянно встречаются оппозиции «тиран» — «мученик», «реформатор» — «разрушитель», «застой» — «прогресс», «царство справедливости» — «империя зла» и т.п. Фигу-

ры, сколько-нибудь выделяющиеся из общего русла русской истории, например Иван Грозный, Петр I, Николай II, Распутин, Столыпин, Ленин, Сталин и другие, оцениваются обыкновенно однозначно отрицательно или положительно. Ценностная антиномия заставляет выбирать только между крайними оценками. Отсюда Иван Грозный, например, оказывается в представлении русских едва ли не самым кровожадным персонажем мировой истории, а между тем, по подсчетам авторитетного историка Р.Г. Скрынникова (пишущего о «массовом терроре» эпохи Грозного), общее количество жертв не превышало 3–4 тыс. человек [3, с. 191]. В качестве проясняющего ситуацию эксперимента В.В. Кожин в «Истории Руси и русского слова» [4] специально ставит Ивана Грозного в контекст современной ему европейской истории, где испанские короли Карл V и Филипп II, английский монарх Генрих VIII и французский король Карл IX уничтожали сотни тысяч человек [5, с. 271]. Иван Грозный совершенно теряется на фоне событий современной ему европейской истории, когда приговором святейшей инквизиции было осуждено на смерть все население Нидерландов. В самое «просвещенное» время в Европе целые города оставались почти без женщин, уничтожаемых в качестве «ведьм», счет жертв в местных судах велся на тысячи и десятки тысяч человек. Но именно Иван Грозный благодаря специфике русского исторического сознания считается мировым символом тирании и жестокости.

Все дело здесь, конечно, не в статистике, не в поиске реальных исторических референций и степени доверия к каким-либо историческим источникам, но в априорных установках русского общественного сознания, где один и тот же герой кажется воплощением то всех добродетелей, то всех возможных пороков, изменение отношения возможно здесь как резкое переключение смысла, смена знака «плюс» на знак «минус». Именно такую предструктуру понимания находим мы и в типичных вузовских учебниках или вузовских лекциях, где с традиционной страстью и непримиримостью продолжают в лоб сталкиваться славянофильские и западнические, либеральные или консервативные позиции.

Формально этот отрицательно-апологетический взгляд на отечественную историю несостоятелен: ясно, что на роль воплощенного исторического ада или рая Россия не подходит, точно так же, как любая другая страна. Однако это пристрастное отношение к собственной истории есть содержательная психологическая истина. Просто сама суть национальной традиции заключается в неравнодушии к ней. Ложной стала бы

в такой ситуации стратегия профессионально-нейтрального описания отечественной истории. Нарративная фигура, можно сказать, инопланетного равнодушия к событиям – вот что было бы разрывом герменевтического круга, связующего субъекта и его национальные предрассудки. «Тот, кто, рефлектируя, выводит себя из связи с преданием, – объясняет в «Истине и методе» Х.-Г. Гадамер, – разрушает истинный смысл этого предания. Историческое сознание, стремящееся понять предание, не должно полагаться на те методико-критические приемы, с которыми оно подходит к своим источникам, как если бы эти приемы предохраняли его от вмешательства его собственных суждений и предрассудков. Оно должно учитывать также и свою собственную историчность» [2, с. 424–425].

Как учит Х.-Г. Гадамер историю нужно понимать не в качестве предмета: «Однако предание есть не просто свершение, которое мы учимся познавать путем опыта, над которым мы учимся господствовать, оно есть *язык*, то есть оно само заговаривает с нами, подобно некоему “Ты”. “Ты” не есть предмет, оно само вступает с нами в отношения» [2, с. 421]. Это гадамеровское понятие исторического «Ты» означает нечто совершенно противоположное голой объективности, нейтральной профессиональности в структуре исторического восприятия. «Ты» – это обращение истории к личности и диалог традиции и личности: «Если мы перенесем на герменевтическую проблему ту форму отношения к “Ты” и понимания этого “Ты”, которую представляет собой знание людей, то здесь этому будет соответствовать наивная вера в метод и достижимая благодаря методу объективность. Тот, кто понимает предание подобным образом, превращает его в предмет; это значит, что он подходит к преданию, сам оставаясь свободным от него, не затронутым им, и, методически изгоняя из своей связи с преданием все субъективные моменты, обретает уверенность относительно его содержания. Мы уже видели, что тем самым он отрывается от той традиции, которая и является его собственной исторической действительностью» [2, с. 422].

Х.-Г. Гадамеру наивной кажется тогда сама вера в «историческую объективность»: «Притязая <...> на полное возвышение над своей собственной обусловленностью, историческое сознание оказывается жертвой диалектической видимости, поскольку на самом деле оно стремится стать как бы господином прошедшего» [2, с. 424].

Да, субъективированное, «действенно-историческое» понимание чревато астигматизмом, переоценками, ошибками, но зато такая историческая память обладает необычайной мощностью. Воспринимаемая как вечная драма или трагедия история никого не оставляет равнодушным. События, происходившие сотни лет назад, буквально врываются в сознание современного человека. История переживается как личное существование, она совершается в субъекте. Личность в своей духовной эволюции ориентируется на исторические образцы и тем самым превращает свою жизнь в факт истории. Отсюда эта жгучая проблема связи поколений в русской литературе, мотив путешествия в прошлое, личного участия в событиях тысячелетней давности, а также горячие и неразрешимые споры о русской истории.

Вот почему точно так же, как скучны и малополезны написанные стертым языком пресные учебники, так же малопродуктивны интенции к некоей объективности в подаче исторической и любой иной гуманитарной информации. Нуль интереса, нуль коэффициента личной вовлеченности оборачиваются нулевым уровнем понимания. Неангажированная, несубъективированная подача предмета превращает его в пустое означающее, которое, впрочем, все равно пустым оставаться долго не может и заполнится при случае, с учетом отсутствия достойных вариантов, любого толка интеллектуальным шлаком.

Итак, пред-рассудки и научная предвзятость, на наш взгляд, не устранимы, можно сказать даже: к счастью, не устранимы. Истинная проблема состоит не в выходе в область мифологического точного и объективного знания, но в рефлексивной коррекции степени собственной ангажированности, в понимании принципов этой обусловленности исторического, философского или политического сознания.

Литература

1. Хайдеггер М. Бытие и время. – Харьков, 2003.
2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М., 1998.
3. Скрынников Р.Г. Иван Грозный. – М., 1975.
4. Кожин В.В. История Руси и Русского слова // Наш современник. – 1992. – №6.
5. Григулевич И.Р. История инквизиции. – М., 1970.